

ЛЕВИАФАН В ПОИСКАХ МИРОПОРЯДКА: ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАБОТАХ Т. ГОББСА И И. КАНТА

Дан сравнительный анализ работ Т. Гоббса и И. Канта как пионеров двух традиций изучения международных отношений – политического реализма и идеализма. Сделан вывод о наличии у авторов общих тезисов, сформировавших категориальный аппарат современной науки международных отношений. Общность подходов классиков политической теории к пониманию нормативной и институциональной природы миропорядка стала впоследствии основой неоконсервативно-неолиберального консенсуса в конструировании системы всеобщей безопасности.

Ключевые слова: естественное право; международные отношения; политический конфликт; международная безопасность; общественный договор.

Обсуждение проблем нового миропорядка, его институциональной и правовой природы получило новый импульс в условиях глобализации. Угрозы всеобщей и национальной безопасности, исходящие от транснационального терроризма, идейно мотивированных этнических и конфессиональных конфликтов, неконтролируемой миграции и распространения оружия массового поражения, поставили перед международным сообществом проблему поиска новых и ревизии классических подходов к изучению мировой политики.

Акцент современной науки на использовании междисциплинарной методологии анализа внешней политики способствовал изменению проблематики и дискурсивных практик международников. Тематика современного мирополитического дискурса включает в себя как традиционные вопросы соотношения нормативных и силовых регуляторов международных отношений, типологии конфликтов, так и относительно новые для международников проблемы цивилизационной идентичности основных акторов мировой коммуникации, психологической и социокультурной мотивации их действий на мировой арене, исторической обусловленности деконструкции прежнего и институционализации нового мирового порядка.

Поиски концептуального обоснования структуры и механизма функционирования нового миропорядка сопровождалась усилением интереса исследователей к классическим традициям изучения международных отношений, пионерами которых считают Томаса Гоббса и Иммануила Канта [1–4].

Эвристическая значимость доктрин основоположников политического реализма и либерализма объясняется не только воплощением в них идеального представления о миропорядке как основы взаимодействия суверенных государств в интересах поддержания мира и взаимовыгодного сотрудничества, но и отражением внешнеполитических реалий своего времени.

Знаковым событием истории международных отношений в Европе первой половины XVII в. стала Тридцатилетняя война. Размышления над ее истоками и уроками открывали широкие горизонты для политических обобщений. С одной стороны, война демонстрировала неизменную агрессивность человеческой природы, неустрашимость как постоянного соперничества государств на мировой сцене, так и идейно-политическую обусловленность военных конфликтов внутри и между отдельными государствами.

Переживание опыта этой всеевропейской религиозной войны 1618–1648 г., равно как и Гражданской войны в Англии XVII в., вынудит английского мыслителя считать *универсальными* и *перманентными* три источника военных конфликтов: борьбу за ресурсы, жажду славы (высокого статуса), страх и недоверие к противнику, порождающие стремление обезопасить себя [5. Р. 289–299].

С другой стороны, итоги войны, закрепленные в многосторонних соглашениях в Мюнстере и Оснабрюке, свидетельствовали о способности человеческого разума изобретать инструментальные средства и универсальные правила поддержания сравнительно стабильного мира. Мирные договоры по итогам Тридцатилетней войны закрепили основополагающие правила межгосударственного общения европейских народов: принцип соблюдения установленных международных договорами государственных границ; уважение суверенного равенства государств; невмешательство в их внутреннюю компетенцию (прежде всего, со стороны Рима как наиболее могущественного и авторитетного участника европейской политики христианского мира).

Данные принципы сформировали «Вестфальскую» систему международных отношений и одноименную систему европейского международного права, которые оказались столь прочным фундаментом мирового правопорядка, что даже окончание холодной войны и биполярного противостояния не привело к «демонтажу» его несущих конструкций.

Итоги Тридцатилетней войны были настолько впечатляющими, что позволили выдающимся европейским мыслителям эпохи Просвещения – Т. Гоббсу и И. Канту – считать их проявлением характерных особенностей и природы международных отношений. Таким образом, поворотные события истории международных отношений предопределили изменения политического дискурса европейских философов, сделав Гоббса и Канта основоположниками не только политической теории, но также и теории международных отношений. Опыт этих мыслителей представляется ценным еще и потому, что они были наблюдателями крупнейшей национальной катастрофы: Т. Гоббс – Английской революции, а И. Кант – Великой французской революции. Оба пережили эти потрясения уже будучи состоявшимися исследователями. Уникальные творческие дарования и личный исторический опыт

позволили им соотнести внутривластическую и внешневластическую динамику, сделав их предметом обобщенного теоретического дискурса.

Теоретическое наследие Т. Гоббса, посвященное проблематике международных отношений, невелико по объему, однако именно его называют одним из первых создателей «естественно-правовой» концепции международных отношений и мировой политики.

Разных мыслителей, разрабатывавших ее содержание, объединяло стремление постичь природу международных отношений посредством категории «естественное право». Значение этой теории заключается в ее идейном богатстве, на основе которого были созданы две оппозиционные друг другу парадигмы международных исследований (IR) – «политический реализм» и «политический идеализм». Сам Гоббс может быть назван пионером политического реализма. Об этом свидетельствует Хэдли Булл, полагавший, что современная теория международных отношений восходит к гоббсовской, гроджовской или кантовской традициям [6. Р. 717–738].

Ключевые понятия концепции Гоббса содержат категории «естественного». Равно значимы для него естественная свобода и естественный закон, хотя они и описывают исключительные друг друга состояния. И естественную свободу, и естественный закон следует рассматривать как производные от фундаментальной категории Гоббса – «естественного права». Что же оно объясняет, каким целям служит и откуда берется?

По своему происхождению идея естественного права связана с христианской интуицией человека, существо которой хорошо выразил ап. Павел: «всё мне позволительно, но не всё полезно» [6; 7, 1-е Коринф; 8].

Как субъект общественных отношений, располагающий множеством нереализованных возможностей, человек всегда находится в ситуации аксиологического выбора между добром и злом. Естественное право фиксирует это состояние потенциальности, т.е. многовекторности действий, доступных человеку. Гоббсовское определение естественного права фиксирует «свободу каждого пользоваться своими способностями согласно истинному разуму» и распространяет это свойство на любые цели и действия человека. Более того, по мнению Гоббса, «каждый человек имеет право на всё, даже на жизнь другого человека» [3. С. 99].

Ограничений естественного права (в плане физической невозможности его применения человеком как агентом социальных отношений) нет. Загадка естественного права заключается в связи свободы с неким «истинным разумом», подлинным субъектом которого является Бог, поскольку разум «дан каждому непосредственно Богом в качестве руководящего принципа собственных поступков» [Там же]. Наличие разума опосредовано естественным законом, вечным порядком правильной жизни.

Естественный закон, по мнению Гоббса, – это закон мира. В «Левифане» Гоббс излагает его в виде 20 правил, но в обобщенном виде закон содержит всего один принцип, в котором отражается знаменитое «золотое правило нравственности». Мыслитель писал:

«Естественные законы потому не нуждаются ни в какой публикации и ни в каком провозглашении, ибо они содержатся в одном признанном всем положении: не делай другому того, что ты считал бы неразумным со стороны другого по отношению к тебе самому» [9. С. 210].

Естественный закон требует от человека воздерживаться от имеющихся у него средств воздействия для использования их против другого индивида. Поскольку имеющийся у человека арсенал возможностей не наносит ущерба другому, естественный закон противостоит *неограниченному применению* средств, которыми обладает свободная личность. Выражаясь словами Гоббса, «право состоит в свободе делать или не делать, между тем как закон определяет и обязывает к тому или другому члену этой альтернативы» [Там же. С. 98–99].

Гоббс был далек от мысли считать это правило абсолютной ценностью (основой самоуважения, как позднее настаивал Кант). «Золотое правило» у Гоббса исполняет роль предписания, технологии достижения подлинной цели любого субъекта – самосохранения. Тем самым, естественный закон является реализацией естественного права, в котором свобода соединяется с истинным разумом и подчиняется ему. Гоббс утверждал, что в установлении правил мира и «состоят требования разума, которые, собственно, и могут быть названы естественными законами» [10. С. 280].

Однако идеальное соединение в поведении людей свободы и разума отнюдь не является постоянным, и даже преобладающим в человеческом мире. Гоббс полагал, что дарованная Богом свобода и предоставленные Им человеку средства не всегда соединяются с разумом. Этот пессимизм философа опирался на следующие доводы.

1. Мыслитель разделял христианский пессимизм относительно человеческой природы, испорченной грехом. Еще Бл. Августин полагал, что свобода воли – это свобода выбора зла. Предоставленный сам себе, без какого-либо внешнего принуждения, человек, как правило, свободно выбирает зло. Такой выбор связан с тем, что естественный разум присущ человеку как некое свойство, неосознанный инстинкт самосохранения. Вместе с тем реализация данного свойства человеческой природы зависит от множества параметров, и оптимальный вариант разумного поведения свободного человека – скорее исключение, а не правило жизни.

2. Действия человека определяются аффектами, неразумными влечениями, страстями. Наиболее сильным импульсом человеческого поведения Гоббс считал стремление к чувственному удовольствию, обладанию вещами, социальным статусом, славой. Аффективное поведение становится орудием зла в бедном, неразвитом обществе, в условиях оскудения жизненных ресурсов. Бедность заставляет людей стремиться к обладанию одной и той же вещью, порождая зависть, тщеславие, корысть. В условиях дефицита ресурсов, когда люди сознают, что всех вещей на всех не хватит, аффективное поведение порождает соперничество, насилие и тем самым разрушает социальный мир. Такое сочетание естественного права с аффективным поведением демонстрирует пессими-

стический вариант реализации человеческого потенциала – «естественное состояние» – всеобщую гражданскую войну, «войну всех против всех» [10. С. 328]. Необходимо отметить, что в последнее время в историографии наметилась явная тенденция объяснять внимание Гоббса к психологической составляющей социально-политических процессов (роли эмоций, фобий, иррационального поведения, манипуляций массовым сознанием и др.) обстоятельствами его личной жизни и экзистенциального опыта переживаний Гражданской войны в Англии и Тридцатилетней войны в Европе [11, 12].

Сам Гоббс подчеркивал, что состояние «войны всех против всех» противоречит требованиям разума, естественного закона. Он писал: «...всякий решивший остаться в том состоянии, в котором все позволено всем, впадает в противоречие с самим собой. Ибо всякий человек в силу естественной необходимости стремится к благу для себя, и нет такого человека, кто счел бы для себя благом подобную войну всех против всех, которая естественна в этом состоянии» [10. С. 291]. Итак, мыслитель делает акцент на том, что требования разума сохраняют свою силу даже в условиях иррационального, неразумного поведения человека. «Истинный», т.е. инспирируемый Творцом, разум носит универсальный всеобщий характер только в негативном смысле, как источник неотвратимой кары за его нарушение. В позитивном смысле, как правило поведения, «истинный разум» носит не универсальный, а конвенциональный характер и требует определенных условий для своего воплощения.

Гоббс настаивал на том, что «естественный закон» императивен не столько в позитивном, сколько в негативном смысле – нарушение естественного закона будет обязательно наказано! Неотвратимость наказания за нарушение естественного закона подчеркивается тезисом Гоббса о том, что в войне всех против всех нет победителей. Эта война является игрой с «отрицательной суммой», в которой все одинаково проигрывают, «поскольку никто не может избежать смерти или сопоставимых с нею бедствий; любая победа здесь кратковременна и преходяща» [Там же]. Вот почему предварительным условием соблюдения «естественного закона» Гоббс объявляет достижение мира.

Делая акцент на неотвратимости наказания за нарушение естественного закона, автор использует для этого постулат о равенстве людей как участников взаимодействия. Люди равны между собой в способности нанести серьезный ущерб друг другу. Гоббс писал: «Сколь хрупко строение человеческого тела, с разрушением которого исчезает вся сила, мощь и мудрость человека, и как легко даже самому слабому убить более сильного, и поэтому никто, полагаясь на свои физические силы, не станет считать себя от природы сильнее других. Равны те, кто располагает равными возможностями друг против друга. И даже те, кто способен на самое большее – убить другого, могут лишь то, что равно могут и другие» [Там же. С. 288]. Здесь существен акцент не на всеобщей греховности, а на том, что все люди обладают одинаковой возможностью причинения зла посредством насилия.

Каким бы иррациональным не было «естественное состояние» общества, оно, тем не менее, способствует развитию индивидуальной рефлексии, рационального сознания. Разум заставляет продумывать последствия действий с точки зрения не только возможных удовольствий, но и последствий для самосохранения. Важнейшим условием «воспитания разума», по мнению Гоббса, является всеобщий страх (понимаемый как ожидание причинения вреда). Именно страх перед потенциальной общей угрозой заставляет людей воздерживаться от неразумных, спонтанных действий под влиянием неконтролируемых эмоций и разрушительных страстей. Пробудившийся индивидуальный разум дискредитирует «войну всех против всех» как чересчур рискованное и ненадежное предприятие, направленное на получение удовольствия ценой будущей гибели или серьезного ущерба собственному благополучию. В итоге аксиологическим ориентиром и рациональным выбором просчитывающего долгосрочные последствия своих действий человека становится стремление к миру и всеобщей безопасности. Основой такого выбора выступает осознание равенства возможностей, или «баланса сил». Гоббс утверждал: «В силу указанного равенства сил и прочих человеческих возможностей люди, находящиеся в естественном состоянии, то есть в состоянии войны, не могут надеяться на длительную безопасность. Поэтому истинный разум повелевает нам искать мира, пока есть хоть малейшая возможность его достижения» [10. С. 292].

Какое влияние оказывает пробудившийся индивидуальный разум на состояние «войны всех против всех»? На первый взгляд, никакого – в действительности соперничество продолжается, а значит, «естественное состояние» общества как нескончаемого конфликта интересов и устремлений является константой социально-политического развития. Однако для Гоббса важно указать на изменившуюся мотивацию участников социального противоборства: из «бесшабашной» погони за удовольствиями «война всех против всех» превращается в вынужденное длительное мероприятие, продолжение которого теперь уже определяется не аффектами, а разумным расчетом. Мыслитель конструирует парадоксальную ситуацию: для формирования разумной стратегии поведения в условиях перманентного соперничества необходимо предвидеть позитивные результаты рационального выбора. Гоббс отмечал: «...для сохранения мира необходимо соблюдение естественного закона; для соблюдения же естественного закона необходима безопасность» [Там же. С. 328].

Мыслитель был убежден в том, что «естественный закон» эффективен лишь при условии его всеобщего, универсального применения. По его словам, «естественные законы не предоставляют кому бы то ни было возможности спокойно следовать им сразу же, как только они становятся известными людям, а поэтому, пока не будет гарантии от нападения со стороны других, у каждого сохраняется его исконное право на самозащиту теми средствами, какими он посчитает нужным и сможет воспользоваться» [Там же. С. 327].

Более того, попытка индивидуального применения «естественного закона» способна привести лишь к гибели тех, кто решится ему следовать. Согласно Гоббсу, «большинство людей из-за несправедливого стремления к сиюминутной выгоде совершенно не способны соблюдать эти законы, сколь бы хорошо они их ни знали, даже если бы вдруг некоторые более скромные, чем остальные, и попытались осуществить те самые равенство и пользу, которые подсказывает разум, то, поскольку остальные не делали бы ничего подобного, они поступали бы отнюдь не разумно. Они готовили бы себе не мир, но более скорый конец» [10. С. 315] или то же самое в обобщенной форме: «не следует полагать, что природа, то есть разум, обязывает людей исполнять все эти законы в тех обстоятельствах, когда они не исполняются остальными людьми» [Там же. С. 316].

Данный тезис является центральным для понимания значимости и применимости постулатов политической теории Гоббса для исследования международных отношений. Для построения своей теоретико-международной концепции Гоббс активно пользовался методом аналогии: и внутриполитические процессы, и международные отношения рассматривались им как однопорядковые и «соприродные». Они в равной степени представлялись мыслителю проекцией человеческой природы, а международные отношения конструировались Гоббсом по аналогии с взаимоотношениями индивидов в социуме. Однако абсолютной аналогии между внутренней политикой и международными отношениями у Гоббса нет. В его работах международные отношения обладают определенной спецификой, отличающей их от *home affairs*.

Международная концепция Гоббса строится вокруг фундаментального тезиса о государстве как приоритетном и суверенном субъекте международных отношений. Если в современном мире государствоцентричная схема IR рассматривается как нечто само собою разумеющаяся, то для эпохи Гоббса она вовсе не считалась самоочевидной, будучи предметом дискуссий и серьезных размышлений. В XVII в. продолжалась борьба государства с тем, что комментатор работ английского мыслителя Карл Шмитт назвал «косвенными инстанциями» (извлекающими выгоды из своих велений государству, но не разделяющими риски принятых таким образом решений) [8. С. 222]. Таковой, к примеру, была Римская католическая церковь как международная надправительственная организация, ограничивающая внутренний и внешний суверенитет государств посредством использования своего права на инвестицию, международный арбитраж, объявления «дней мира» и т.д.

Государство является пространством рационально обусловленных действий как правителей, так и подвластных. Нарушение взаимных обязательств их поведения создает угрозу разрушения государства. Само же существование государства доказывает, что верховная власть не превышает политического лимита на произвольные и обременяющие подданных действия, хотя и имеет для этого все легальные, т.е. юридические, основания.

Аксиологически оптимальным действием власти является содействие благополучию граждан [10. С. 401]. Благодеянием власти является обеспечение безопасности своих подданных (это есть первая и основная цель «общественного договора») и их «счастливой жизни» (стремления к богатству и свободе действий). Хотя суверен юридически и не связан целью общественного договора, защита интересов подданных образует пространство его собственной безопасности. У этого пространства два полюса. В первом случае власть реализует благо народа, во втором – отступает от него. Действия государства во благо народа являются не только правильным аксиологическим выбором, но и главной функцией государственной власти, обеспечивающей ее самосохранение. Содействуя благу народа, власть воспроизводит себя как общественный институт, поскольку «могущество граждан – это могущество государства» [Там же. С. 401]. Совершая произвольные и эгоистические действия, власть приближается к границе своего безопасного существования. Гоббс полагал, что «общественный договор» не чувствителен к нарушению персонального благополучия, поскольку репрессии обращены на высшие слои общества, представляющие угрозу для власти имущих, и не затрагивают рядовых граждан [Там же. С. 378].

Общественный договор чувствителен к системным ошибкам власти, а именно к нарушению режима «государства законности» («правового государства»), когда государственные органы, подчиненные верховной власти, не соблюдают установленные ею законы. Такая ситуация вызывает коллапс судебной системы и ставит власть перед угрозой уничтожения. Гоббс отмечал, что «само государство развалится, и каждый вновь обретет право защищать свою безопасность, как ему заблагорассудится. Таким образом, закон природы повелевает верховным правителям не только самим творить справедливость, но и заставлять под угрозой наказания поступать так же и назначенных ими судей, то есть прислушиваться к жалобам граждан» [Там же. С. 411].

Гоббс настойчиво проводил мысль о том, что успешное взаимодействие локальных сообществ возможно лишь в случае, если это государственно-организованные общества. Тем самым, задолго до И. Бентама, Т. Гоббс уточнил понимание природы международных отношений как совокупности межгосударственных коммуникаций. Государство – их приоритетный субъект, прежде всего, потому, что оно может успешно мобилизовать ограниченные ресурсы территорий посредством централизованного управления ими. Власть суверена превращает разрозненное сообщество в юридическое лицо посредством установления его единой воли [Там же. С. 131–330].

Автор писал: «Напрасно заботятся о внутреннем мире те, кто не может обезопасить себя от внешних врагов, равно как не могут обезопасить себя от внешних врагов те, чьи силы не объединены. Поэтому для безопасности каждого отдельного человека необходимо, чтобы существовало какое-нибудь одно собрание или один человек, которые бы обладали правом при любой опасности или какой-то случайности во-

оружать, собирать, объединять столько граждан, сколько их может потребоваться для общей защиты от врагов, численность и силы которых неизвестны, а когда представится случай – заключать мир с врагами. Это значит, что отдельные граждане перенесли полностью право войны и мира на одного человека или на одно собрание» [10. С. 336–337].

Государство способно не только к аккумуляции внешнеполитических ресурсов, но и к их эффективному использованию. Мыслитель писал, что государство «пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способными направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов» [9. С. 133].

Т. Гоббс одним из первых указал на позитивную связь между внутренней и внешней политикой государства. Внутренний мир и процветание позволяют аккумулировать ресурсы для внешнеполитических действий не только в силу централизации власти, но и благодаря политической цели, которую обслуживает эта технология. Внешнеполитический ресурс напрямую зависит от солидарности управляемых и управляющих. Гоббс подчеркивал необходимость большей степени разумности подвластных, т.е. обязательности для них «естественного закона» и их согласия следовать ему. Иррациональное, неразумное поведение или эгоизм подданных оказывают деформирующее воздействие на внешнюю политику государства. В этом случае власть попадает в «ловушку рациональности», когда разумная цель – обеспечение безопасности – должна поддерживаться всё более неразумными мерами, т.е. угрожающими благополучию подданных [Там же. С. 258].

Власть зачастую переходит границу безопасного для нее пространства действий, но не в интересах и не для пользы властвующей элиты, а для сохранения государства как института. Мыслитель утверждал: «...величайшие притеснения, испытываемые подданными со стороны верховных правителей, проистекают не из того, что они, правители, ожидают для себя удовольствия или выгоды от разорения или ослабления своих подданных, чья сила составляет их собственную силу и славу, а обусловлены тем, что упорная скверность самих подданных, неохотно идущих на материальные жертвы для своей собственной защиты, ставит их правителей перед необходимостью извлечь из них все, что можно, в мирное время, с тем чтобы иметь средства в случае крайней или внезапной необходимости для организации сопротивления или победы над своими врагами» [Там же. С. 143].

Гоббс полагал, что обеспечение международной безопасности посредством проведения разумной внешней политики должно иметь приоритет перед сохранением внутреннего благополучия государства. Внешняя политика мобилизует ресурсы для обеспечения мира и безопасности в зависимости от изменения ситуации. Поведение подданных будет рациональным, если они согласятся нести бремя автоматического роста оборонных расходов. Автор писал: «Расходы государств зависят не от их собственных

потребностей, а от внешних обстоятельств и потребностей их соседей... отсюда ясно, что размеры государственного богатства могут быть ограничены лишь теми рамками, которые требуются неожиданно возникающими обстоятельствами» [9. С. 143].

Гоббс оптимистично полагал, что разумный подданный будет считать любые расходы на нужды безопасности эффективной формой социального контракта в случае, если эти обременения будут справедливо распределены между всеми группами общества [10. С. 406]. Подобный оппортунизм представлялся мыслителю оптимальной жизненной стратегией индивида, поскольку её альтернативой (в случае отказа от расходов на обеспечение безопасности) будет не больший или меньший проигрыш или выигрыш в конкурентной борьбе с другими, а абсолютное поражение [9. С. 143].

Государства, преодолевающие указанные трудности, образует сплоченное целое – «личность» – в пространстве международных отношений. Если государства – суверенные субъекты, то их отношения должны рассматриваться по аналогии со взаимодействием индивидов в естественном состоянии «войны всех против всех». Гоббс писал: «Каждый суверен при обеспечении безопасности своего народа имеет то же право, которое может иметь любой человек при обеспечении собственной безопасности» [Там же. С. 275].

Представление о «естественном состоянии» не является генетической конструкцией, объясняющей возникновение «общественного договора». Это не генетическая, а нормативная конструкция. Именно к международным отношениям применимо понятие естественного состояния, что позволяет уловить специфику мировой политики, объяснить ее закономерности и реалии развития. Гоббс писал: «Государства находятся по отношению друг к другу в естественном, а стало быть, враждебном состоянии» [10. С. 408]. Отсылка к естественному состоянию фиксирует специфику международных отношений как *свободного взаимодействия суверенов (независимых государственных субъектов, обладающих равными правами и возможностями по отношению друг к другу)*, т.е. состояния перманентной анархии.

Системной детерминантой «естественного состояния» международных отношений также выступает ограниченность ресурсов. Международные отношения требуют постоянной борьбы за перераспределение ресурсов как важнейшего условия безопасности государств. В этих обстоятельствах война представляется типичной формой международного взаимодействия, а мир – краткой передышкой между войнами и конфликтами, т.е. как состояние отсутствия соперничества, или не-война. Гоббс писал: «...подобно тому, как среди людей, не признающих никакой власти, имеет место непрерывная война каждого против своего соседа... точно так же среди независимых друг от друга государств каждое пользуется абсолютной свободой делать то, что оно (т.е. что тот человек или собрание, которое его представляет) считает наиболее соответствующим своему благу. В силу этого они и живут в состоянии непрерывной войны и постоянной го-

товности к бою, о чем говорят укрепленные границы и пушки, направленные против соседей» [9. С. 167].

Однако аксиологическое измерение международных отношений иное, чем оценка внутренней «войны всех против всех». Мыслитель отмечал, что государства «имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоянием войны. Но так как они при этом поддерживают трудолюбие своих подданных, то указанное состояние не приводит к тем бедствиям, которые сопровождают свободу частных лиц» [Там же. С. 97].

Анархия в международных отношениях – это уже состояние «вторичной» всеобщей войны, войны с измененной первоначальной мотивацией. Мотивация конфликта в международных отношениях изменена с аффективно-эмоциональной на рациональную. Из трех мотивов конфликта в международных отношениях два – вполне рациональны (погоня за наживой и стремление к собственной безопасности) [Там же. С. 95].

Государства-«личности» – это *рационально* действующие субъекты, поддерживающие внутренний мир. Иными словами, анархия в международных отношениях предполагает следование «естественному закону» в полном объеме внутри страны.

Отношение естественного закона к анархии в международных отношениях становится еще более сложным, чем к внутренней войне всех против всех.

С одной стороны, цель и мотивация войны рациональны – это безопасность (мир). Межгосударственные войны – это войны вынужденные, войны во имя мира и безопасности. По словам Гоббса, государства «изо всех сил стараются подчинить и ослабить своих соседей грубой силой и тайными махинациями и, поскольку нет других гарантий безопасности, они поступают вполне справедливо» [Там же. С. 130].

С другой стороны, при отсутствии всеобщей конвенции государств о мире естественный закон утрачивает универсальность и обязательность как непреложное универсальное правило общения субъектов международных отношений. Индивидуальное следование естественному закону и в международных отношениях ведет к поражению и гибели. Гоббс писал: «Тот, кто был бы скромен и мягок и выполнял бы все свои обещания в такое время и в таком месте, когда и где никто другой этого не делает, лишь отдал бы себя на разграбление другим и уготовил бы себе первую гибель, что идет вразрез с основами всех естественных законов, требующих сохранения жизни» [Там же. С. 122].

Естественный закон деформируется, становится условным, техническим разумом и дает рациональную санкцию войне. Таким образом, естественный закон одновременно санкционирует и мир, и войну: в первом случае – в качестве цели, а во втором – в качестве средства внешнеполитического действия. Представляется, что центр тяжести гоббсовских построений лежит не в сложных аксиологических конструкциях по поводу войны, а в ее дезаксиологизации. Если одна и та же конструкция – естественный закон – санкционирует взаимоисключающие состояния, то обращение к аксиологии теряет смысл. Аксиологическое обоснование требуется в ситуации выбора, взве-

шивания субъектом политического действия различных возможностей и альтернатив.

В схеме Гоббса войне как средству обеспечения мира нет альтернативы. Но это означает, что война должна описываться в терминах необходимости, а не оценки. Этот путь Гоббсом последовательно пройден. Никакая аксиология войны для него немыслима, стандартные аксиологические средства (например, представление о справедливости) к ней неприменимы. Мыслитель писал: «...в подобной войне ничто не может быть несправедливым. Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости» [9. С. 97].

Анархия в международных отношениях может быть частично преодолена лишь посредством ее постоянной рационализации, рефлексии. Идея мира вносит в международные отношения стремление к порядку, основанному на способности предвидеть, а в определенном смысле и предсказывать мотивы поступков противника. Подчиненная цель внешней политики – это накопление мощи, понимаемое Гоббсом в терминах *hard power*. Автор писал: «Для защиты народа необходимы две вещи: *заранее знать* (выделено нами. – О.И., Ю.И.) и заранее вооружиться. Ведь государства находятся между собой в естественном состоянии, то есть в состоянии вражды. И если они перестали сражаться на поле боя, то это можно назвать не миром, а лишь передышкой, во время которой один враг, следя за действиями и выражением лица другого, оценивает свою безопасность не соглашениями, а силами и замыслами противника» [10. С. 403]. Иными словами, «гарантию защиты доставляют каждому народу его вооруженные силы» [9. С. 139]. Это отнюдь не значит, что Гоббс не придавал особого значения в международных отношениях *soft power*: например, он настаивал на необходимости государственного контроля за внешней торговлей, отмечал значение авторитета государства как важной составляющей его репутации на мировой арене. Важнее акцент английского философа на *превентивной* готовности государства отреагировать на угрозы его безопасности, создаваемые действиями противника, с позиции силы, а не права.

Анархия в международных отношениях исключает состояние «вечного мира» (достижение всеобщего мира и безопасности в политической теории Гоббса невозможно без создания всемирного правительства), но не исключает достижения сравнительно долговременной стабильности и состояния равновесия / баланса сил противников. Истоки «относительного мира» философ объясняет всё той же ограниченностью материальных ресурсов. Мобилизация ресурсов страны для нужд внешней политики всегда имеет свои пределы. Гоббс формулирует идею, похожую на современные представления о «разумной оборонной достаточности». Государство должно поддерживать свои возможности на уровне способности нанести неприем-

лемый ущерб (сокрушительный удар) *одному* вероятному противнику. Гоббс отмечал: «То количество сил, которому мы можем доверять нашу безопасность, определяется не каким-то числом, а отношением этих сил к силам врага; в таком случае для нашей безопасности достаточно, когда избыток сил на стороне врага не настолько велик, чтобы он мог решить исход войны и побудить врага к нападению» [9. С. 130].

Совершенно очевидно, что ограниченные военные ресурсы не могут гарантировать не только глобальной, но и локальной безопасности. В этих условиях государство прибегает к стратегии кооперативной (блоковой, коалиционной) безопасности. Только коалиция государств, а не каждое государство в отдельности, способна мобилизовать необходимые оборонительные ресурсы. Автор утверждал: «Лиги государств, над которыми не установлена никакая человеческая власть, могущая держать их в страхе, являются не только законными, но и выгодными в течение того времени, пока они действуют» [Там же. С. 184]. Различные комбинации таких коалиций в принципе способны поддерживать временное равновесие сил.

Впоследствии тезисы Гоббса о войне как игре с нулевой суммой, представление о рациональном выборе участников межгосударственного взаимодействия в пользу равновесия сил, оценка суверенного государства как основного актора системы всеобщей безопасности и другие тезисы английского мыслителя, рассуждавшего о законах «войны и мира», станут концептуальной основой европейской политической теории в целом и классического политического реализма как парадигмы исследования международных отношений в частности [13; 14. Р. 91–101]. Базовые положения политической теории Т. Гоббса получили дальнейшее развитие и обоснование в трудах И. Канта, что позволяет предположить наличие определенного консенсуса в подходах к изучению международных отношений основоположников «политического реализма» и «либерального институционализма» уже на этапе формирования классической традиции мировой политики.

Поиски условий достижения международного порядка И. Кантом отчасти воспроизводят проблематику международно-политической теории Т. Гоббса, отчасти идут существенно дальше. В работах немецкого философа меняется акцент в понимании самой природы международного порядка. Если для Гоббса он означал минимизацию рисков внешнеполитических действий государств в условиях «дилеммы безопасности», то для Канта международный порядок тождествен состоянию международной безопасности. Кант показал, что политический разум не может остановиться лишь на создании упорядоченного гражданского общества и должен озаботиться созданием мирной и безопасной международной среды.

Кант следовал гоббсовской традиции в понимании роли «политического разума» как инструмента рационального выбора правил поведения государств на мировой арене. Тем самым, для него, как и для английского мыслителя, и внутренняя и внешняя политика государства была «искусством возможного». Будучи свойством человеческой природы, разум ста-

новится регулятором межгосударственного взаимодействия только под влиянием неблагоприятных внешних условий. Для Гоббса ограничителем свободы действий суверенов были «страх», дефицит ресурсов, непредсказуемость намерений и действий контрагентов, для Канта – «необщительная общительность» и «антагонизм», неуловимо сближающиеся по своему содержанию с концепцией перманентного конфликта интересов в концепции Real Politik.

У Гоббса пробуждающаяся способность к рациональному выбору сразу приобретает моральное содержание: общество не только сознает необходимость справедливости (требуя соблюдения как социального контракта, так и мирных соглашений), но и пассивно поддерживает действия властей, направленные на установление справедливых правил политического взаимодействия. Взгляд Канта на регуляторные способности пробудившегося индивидуального разума глубоко пессимистичен. В отличие от Гоббса, полагавшего на разумный эгоизм субъекта политического действия, Кант убежден в неустранимости эгоизма человеческого разума. Вот почему реальная политика (как внутренняя, так и внешняя) казалась ему цепью обманов и насилия [15. С. 14].

Международные отношения представляются Канту расширенной (транссоциальной) проекцией человеческой природы. Он писал: «Та же необщительность, которая заставляет людей объединяться, опять-таки служит причиной того, что каждый общественный организм во внешних отношениях, т.е. как государство по отношению к другим государствам, пользуется полной свободой. Следовательно, государства должны ожидать друг от друга таких же несправедливостей, как те, которые притесняли отдельных людей» [Там же. С. 15].

Кант использует гоббсовский механизм дискредитации войн: рациональность является продуктом конфликта, а затем стремится устранить свою собственную предпосылку. Как и Гоббс, Кант считал результатом рационализации конфликта достижение равновесия сил, способное преодолеть различия языков, религий, интересов [16. С. 287]. Баланс сил представлялся мыслителю нормативной, а главное, институциональной основой идеальной конструкции международных отношений – «всемирно-гражданского состояния публичной безопасности». Кант считал, что путь к устойчивому миру обеспечивает баланс сил, создающий патовую ситуацию, единственным рациональным выходом из которой может быть только отказ от международных конфликтов.

Кант отмечал: «Бедствия, отсюда вытекающие, заставляют наш род найти закон равновесия для самого по себе благотворного столкновения между соседними государствами, вызываемого их свободой, и создать объединенную власть для придания этому закону силы, стало быть, создать всемирно-гражданское состояние публичной государственной безопасности. Это состояние таит в себе некоторую опасность: достигнув его, силы человечества могут быть ослаблены, однако в нем также действует принцип равенства их действия и противодействия, не позволяющий им разрушить друг друга» [15. С. 17–18].

Энтузиазм Канта относительно достижимости состояния устойчивого европейского равновесия и практического применения принципа баланса сил для регулирования международных отношений ослабевал по мере знакомства мыслителя с реалиями внешней политики Европы. Обзор основных событий международной жизни XVII–XVIII вв. привел его к выводу о том, что актуальные доктрины международного права подчиняются прагматическим соображениям суверенов, допуская использование государствами односторонних преимуществ в ситуации, когда равновесие сил нарушено. А равновесие сил, по мнению Канта, будет нарушаться постоянно, поскольку каждое государство вынуждено действовать в рамках гоббсовской «дилеммы безопасности».

Дилемма безопасности создает новый изощренный вид агрессивных войн, оснащённых пацифистской риторикой – превентивные войны против усиливающегося потенциального противника. Такие войны всё чаще ведутся ради предотвращения еще более тяжелых и масштабных войн. Ученый отмечал: «Когда одно государство опережает другое в вооружении, на чем основывается превентивное право (*jus praeventionis*) либо же внушающее страх возрастание (благодаря завоеваниям) могущества (*potentia tremenda*) какого-либо другого государства. Это есть нанесение ущерба менее могущественным в силу одного лишь положения, до всякого действия превосходящего своей мощью государства, и в естественном состоянии подобное нападение во всяком случае правомерно. На этом, следовательно, покоится право равновесия всех активно соприкасающихся друг с другом государств» [17. С. 274].

Постоянно действующий механизм перераспределения мощи между государствами делает надежду на устойчивое равновесие сил безосновательной. Кант замечал по этому поводу следующее: «Продолжительный всеобщий мир, достигаемый так называемым равновесием европейских держав, есть чистейшая химера подобно дому Свифта, который был построен с таким строгим соблюдением всех законов равновесия, что тотчас рухнул, как только на него сел воробей» [18. С. 107].

Международное право в этой ситуации оказывается инструментом снижения рисков неудачной войны. Поскольку от такого исхода не застрахован никто, государства придерживаются норм обычного международного права как *jus ad bellum* и *jus in bello*. Автор отмечал: «...и во время войны должно оставаться хоть какое-нибудь доверие к образу мыслей врага, потому что иначе нельзя заключить мир и враждебные действия превратятся в истребительную войну (*bellum infernecinum*). Война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (когда нет никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона)» [16. С. 263].

Привычка к сдержанности в ходе военных действий и усиливающееся стремление к их нормативному регулированию в сочетании с признанием войны неэффективным способом реализации внешнеполитических целей создают объективные предпосылки со-

здания устойчивого мира как правового состояния. Среди различных разнонаправленных тенденций в международных отношениях эта представлялась Канту определяющей. Он писал: «На примере действительно существующих, но еще очень несовершенно организованных государств можно видеть, как во внешних сношениях они уже приближаются к тому, что предписывает идея права, хотя, конечно, причина этому не глубокая моральность (как и не от моральности надо ожидать хорошего государственного устройства, а, скорее, наоборот, от последнего – хорошего морального воспитания народа)» [16. С. 286]. Таким образом, делает вывод ученый, «природа неодолимо хочет, чтобы право получило в конце концов верховную власть. То, что в этом отношении не сделано, совершится в конце концов само собой, хотя и с большими трудностями» [Там же].

Кант приложил значительные усилия для обоснования возможности создания устойчивого миропорядка «по ту сторону» равновесия сил. Идеальная модель международного права – проект «Вечного мира» – включает *jus in bello* в качестве своего предварительного условия. Мир возможен, если стороны конфликта не попали в эскалационную ловушку. В данной ситуации «право войны» утрачивает прежний прагматически-инструментальный контекст. Первая предварительная статья вечного мира требует для участников завершающегося конфликта отказа от легитимации поводов к возобновлению войны. Итоги конфликта должны мыслиться окончательными и не подлежащими пересмотру по соображениям их несправедливости. Иными словами, «мир можно мыслить только как безусловный» [17. С. 92].

Германский исследователь концепции Канта полагал, что прелиминарные статьи «Вечного мира» требуют далеко идущих последствий признания *status quo*. Согласно Г. Гайзману, «принципы, вытекающие из идеи предварительного договора, говорят, что государства (народы) имеют безусловную обязанность, принимая во внимание длительный мир, который еще только следует учредить в будущем, уже сегодня (либо тотчас же, либо мало-помалу) создавать необходимые для этого предпосылки; стало быть, например, безоговорочно и непоколебимо быть готовым к переговорам о разоружении и другого рода «политике разрядки» [Там же. С. 99].

Кант предполагал, что эволюционная динамика внутривнутриполитических и международных отношений – при общей тенденции стремления к всеобщему миру и безопасности – существенно различается, хотя между ними и прослеживается циклическая детерминация. Разумные и справедливые правила международного взаимодействия невозможны до тех пор, пока их участниками не стали идеальные сообщества (в понимании Канта – республики). В свою очередь, создание идеальных сообществ (руководствующихся понятиями разума и справедливости) невозможно без нормализации международных отношений.

Создание идеального общества – республики – есть предпосылка для отказа от прагматически-инструментального применения разума, т.е. сложной

военно-политической игры государств. В свою очередь, отказ от защиты корыстных интересов государства не ослабляет его национальной безопасности. Республика делает ненужной модель равновесия сил – предмет постоянного усилия изощренной дипломатии. Республиканские сообщества избегают «дилеммы безопасности», так как не стремятся приобрести односторонних преимуществ – или, в ироничной формулировке Х. Альвареса, «идеальные государства» всегда ведут себя хорошо и друг с другом не воюют [19. Р. 183]. Поэтому мыслитель утверждал возможность коллективного договора о ненападении между республиканскими государствами (пафосно названного «мирным союзом народов»).

Написанный под впечатлением Французской революции (в 1795 г.) трактат «К вечному миру» предлагает *республиканский проект* свободной федерации миролюбивых народов в качестве нормативной и институциональной основы международного порядка и развивает первоначальный проект «всемирно-гражданского состояния публичной государственной безопасности».

Размышления Канта о соотношении свободы и равенства, государственного суверенитета и «всемирно-гражданского состояния», правового универсализма и партикуляризма в трактате «К вечному миру» 1795 г. оказались неожиданно созвучными современным дискуссиям о справедливости и эффективности международного правопорядка в эпоху Постмодерна. Отталкиваясь от кантовского понимания морального закона как универсально значимой нормы применимой ко всем субъектам международных отношений и в любых ситуациях, современные последователи немецкого философа (Х. Булл, Й. Гальтунг, Р. Арон, Г. Моргентау, Ю. Хабермас) считали реальным воплощением категорического императива основополагающие принципы международного права, зафиксированные в Статуте Лиги Наций, пакте Бриана–Келлога, Уставе ООН, как относящиеся к разряду строгих законов, имеющих силу при любых обстоятельствах и требующих немедленного осуществления.

Защита кантовского проекта международно-правового универсализма от критики со стороны приверженцев прагматического подхода к изучению международных отношений сквозь призму баланса сил и интересов осуществляется посредством различения нормативного и ценностного содержания принципов международного права. Дж. Ролз [20. С. 38] и Й. Гальтунг делают акцент на универсализме категорий свободы, равенства и справедливости, которые не могут быть предметом торга или калькуляции социальных интересов. Х. Булл подчеркивает конвенциональный характер как самого международного права, так и институциональной природы современного миропорядка, концептуальной основой которых стал проект «всемирного гражданского состояния» и «мирного союза народов». Для А. Линклейтера важна интуиция И. Канта относительно способности мирового сообщества достичь желанного равновесия между свободой и силой отдельных государств, создать «всемирно-гражданское состояние публичной безопасности» посредством вовлечения в процесс выработки

«закона объединенной воли» всех субъектов мирового процесса, независимо от их статусной и политической природы [21. Р. 170].

Кантовский проект «международного права, основанного на публичных и опирающихся на силу законов, которым должно подчиниться каждое государство (по аналогии с государственным или гражданским правом для отдельных лиц)» исходил из традиционного допущения правового натурализма о том, что «в человеческой природе всегда живо уважение к праву и долгу». Критики естественно-правовой доктрины справедливо указывали на то, что трактат «К вечному миру» представляет собой типичный пример идеального права, указывающего на то, какими должны быть отношения между людьми и государствами.

Смещение ракурса дискуссий о судьбе либерального проекта в сферу размышлений над природой международного права, способного дать адекватный ответ на вызовы современности, способствовало актуализации идей И. Канта в споре Ф. Фукуямы и С. Хантингтона о путях и формах общественного прогресса, пределах и перспективах транзита западных политических и правовых институтов в другие культуры. Следуя логике либерального триумфализма, М. Дойл, Б. Рассет, Дж. Оуэн считали неизбежным переход подавляющего числа участников международных отношений к универсальным ценностям свободы, демократии, уважения прав и свобод человека, открытой и гласной политике. Отмеченная И. Кантом неразрывная связь договорной природы правового государства с миролюбивым характером его внешнеполитического курса казалась аксиомой как для неореалистов, так и для неолибералов, утверждающих вслед за немецким философом, что в рамках формально установленного мирного союза демократии друг с другом не воюют. Не случайно, по мнению М. Дойла, расширение «зон мира» усилиями либеральных сообществ сопровождалось распространением демократии, способствуя исполнению мечты В. Вильсона о необходимости сделать мир более безопасным для демократии, а ценности демократии – приемлемыми во всем мире [22. Р. 89].

Проект «международного права, основанного на федерализме свободных народов, в котором каждому из них гарантировано его право» представлялся Канту компромиссом между свободой и суверенитетом. Философ сознательно противопоставлял свое видение международного правопорядка идеалам всемирного государства А. Сен-Пьера и Ж.-Ж. Руссо, считая главными атрибутами «союза народов» принципы кооперации и субсидиарности. По мнению современных авторов, в условиях глобальной взаимозависимости международное сотрудничество принимает *de jure* и *de facto* различные формы федеративной организации, в рамках которой привилегии и неприкосновенность государственного суверенитета ограничивается во имя безопасности и прав человека, солидарной защиты общих интересов и ценностей. Федерализм, тем самым, выступает институциональной основой международного права, демонстрируя совместимость свободы и порядка, суверенности и интеграции.

Создание Лиги Наций, ООН, СБСЕ, ЕС современными последователями Канта считают эмпирическим воплощением собственно либерального проекта «вечного мира». В природе этих международных институтов проявились характерные черты политической культуры и моральные стандарты либерально-демократических режимов: плюрализм, уважение прав и свобод человека, склонность к компромиссам и достижению консенсуса по общезначимым проблемам, неукоснительное следование законам и принятым обязательствам, подчинение категорическому императиву своих действий внутри и за пределами национальных границ.

Таким образом, усилиями либерально-демократических режимов создается не только институциональная основа современного миропорядка – «федерация миролюбивых», но и его правовое поле. Неолиберальный дискурс современного международного правопорядка, свойственный современными последователями И. Канта, неуволимо сближается с цивилизационной теорией С. Хантингтона, в рамках которой понятия равенства, справедливости, законности, свободы, международного сотрудничества выступают не просто маркерами западной цивилизации, но и нормативным обоснованием особой роли Запада в процессе формирования коллективной системы международной безопасности. Соответствие участников нового миропорядка критериям либеральной демократии должно учитываться, по мнению А-М. Слэйтер, в процессе международного признания и установления дипломатических отношений с новыми независимыми государ-

ствами, вступления их в состав международных организаций и программ сотрудничества, определять характер реформирования системы органов ООН, включая состав и функции Совета Безопасности [23. Р. 503].

Тем самым, эксклюзивный проект «мира либеральных демократий», сформированный в результате неолиберально-неоконсервативного консенсуса на рубеже XX–XXI вв., по существу, отрицает основополагающие тезисы И. Канта и Т. Гоббса об *универсальной конвенциональной природе* международного правопорядка, основанного на всеобщем признании принципов и норм, регулирующих поведение *всех* участников мирового сообщества, безотносительно их статуса в международной таблице о рангах и характера политических режимов.

Итогом и уроком конфликта интерпретаций классических теорий международных отношений в современной политической науке стало новое понимание природы международной безопасности и средств ее обеспечения. Взаимодействие, основанное на доверии и готовности к взаимным компромиссам; рациональный и ответственный выбор средств и методов обеспечения национальной и всеобщей безопасности; совместное конструирование правовой основы миропорядка с целью решения глобальных проблем и отражения глобальных угроз – таков далеко не полный перечень характеристик идеальной системы нормативного регулирования международных отношений, истоки которой можно обнаружить в творчестве Т. Гоббса и И. Канта – классиков международной политической теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tuck R. Rights of War and Peace: Political Thought and the International Order from Grotius to Kant. Oxford : Oxford University Press, 2001. 256 p.
2. Classic Theories of International Relations / ed. by Ian Clark, Iver B. Newmann. L. ; N.Y. : MacMillan, 1996. 267 p.
3. Global Governance and Public Accountability / ed. by D. Held, M. Zuran. Oxford : Blackwell Publishers, 2005. 300 p.
4. Linklater A. Men and Citizens in the Theory of International Relations. L. : MacMillan, 1990. 232 p.
5. Arash Abizadeh, Hobbes on the Causes of War: A Disagreement Theory // American Political Science Review. May 2011. Vol. 105, № 2.
6. Bull H. Hobbes and the International Anarchy // Social Research. 1981. № 48 (4).
7. Евангелие. 1-е Коринф.
8. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб. : Владимир Даль, 2006. 300 с.
9. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 2. 731 с.
10. Гоббс Т. О гражданине // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 1. 622 с.
11. Donnelly J. Realism and International Relations. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 231 p.
12. James S. Passion and Action: the Emotions in Seventeenth-century Philosophy. Oxford : Oxford University Press, 1997. 328 p.
13. Waltz K. Man, the State and War: A Theoretical Analysis. N.Y. : Columbia University Press, 1959. 263 p.
14. Vinsent J. The Hobbesian Tradition in the Twentieth Century International Thought // Millenium. 1981. № 10 (2).
15. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1963–1966. Т. 6. 743 с.
16. Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1963–1966. Т. 6. 743 с.
17. Гайзман Г. Свобода и право. Политическая философия Канта и современность. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. пед. ин-та, 2003. 266 с.
18. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1963–1966. Т. 4, ч. 2. 439 с.
19. Alvarez J.E. Do Liberal States Behave Better? // European Journal of International Law. 2001. Vol. 12, № 2.
20. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : ИГУ, 1995. 536 с.
21. Linklater A. Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations. L. : Palgrave Macmillan, 1990. 216 p.
22. Doyle M.W. Liberalism and World Politics Revisited. N.Y. : St. Martin Press, 1993. 106 p.
23. Slaughter A.M. International Law in a World of Liberal States // European Journal of International Law. 1995. № 6.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2016 г.

LEVIATHAN IN SEARCH OF WORLD ORDER: THE INTERNATIONAL SECURITY ISSUE IN THE WORKS OF HOBBS AND KANT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 407, 78–88.

DOI: 10.17223/15617793/407/13

Ivonin Yuriy P. Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ivonin@ngs.ru

Ivonina Olga I. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ivonina@ngs.ru

Keywords: natural law; international relations; political conflict; international security; social contract.

The article analyzes the historical and intellectual context of the revival of interest in the modern science to the works of T. Hobbes and I. Kant as the founders of two classical traditions in the International Relations (IR) theory – political realism and idealism. The heuristic value of the International Relations theory they produced is explained by the fact that in their works they embodied the ideal understanding of the world order based on the interaction of sovereign states in the interests of keeping global peace and security. The political theories of Hobbes and Kant reflected the foreign policy realities of the Enlightenment. The experience of the Thirty Years' War in Europe and the English Civil War in the 17th century made Hobbes consider three universal and permanent sources of military conflicts: the competition for resources, need for glory (domination), and fear and distrust to the enemy generating the desire to protect themselves. Kant's *Perpetual Peace* (1795), written under the French Revolution impression, proposed a republican project of a free federation of peace-loving peoples as a regulatory and institutional foundation of the international order as "a global civil status of public state security". The comparative analysis of the works of the English and German philosophers confirms the common grounds which determined the subsequent development of the theory of IR. The natural law doctrine was the result of the conceptual unity of classical political realism and political idealism. Its ideological value formed a categorical apparatus of the modern IR study: the principle of the sovereign equality of states as the main actors of international communication; the idea of inevitability of anarchy in international relations; the "balance of power" theory; the idea of the universal and conventional nature of international law; the concepts of "security dilemma" and "rational choice", the "zero-sum game" and many others. Research practice of Hobbes and Kant largely determined the nature of the modern world political discourse with its emphasis on the interdependence of states' domestic and foreign policy, the ratio of the moral, legal and regulatory power in international relations, the socio-cultural and psychological motivation of the world process participants, regardless of their status and political nature. The conflict of interpretations of classical International Relations theories in the modern political science resulted in a new understanding of the nature of international security and the means of its provision: cooperation based on trust and mutual willingness to compromise; rational and responsible choice of means and methods of ensuring national and global security; joint construction of legal foundations of the world order to address global issues and counter global threats – this is not a complete list of the characteristics of an ideal regulatory system of international relations, whose origins can be found in the works of Hobbes and Kant, the classics of the International Relations theory.

REFERENCES

1. Tuck, R. (2001) *Rights of War and Peace: Political Thought and the International Order from Grotius to Kant*. Oxford: Oxford University Press.
2. Clark, I. & Newmann, I.B. (eds) (1966) *Classic Theories of International Relations*. London; New York: MacMillan.
3. Held, D. & Zuran, M. (eds) (2005) *Global Governance and Public Accountability*. Oxford: Blackwell Publishers.
4. Linklater, A. (1990) *Men and Citizens in the Theory of International Relations*. London: MacMillan.
5. Abizadeh, A. (2011) Hobbes on the Causes of War: A Disagreement Theory. *American Political Science Review*. 105:2. pp. 208–315. DOI: 10.1017/S0003055411000098
6. Bull, H. (1981) Hobbes and the International Anarchy. *Social Research*, 48(4). pp. 717–738.
7. 1 Corinthians 6:12. (In Russian).
8. Hobbes, T. (1991) *Leviathan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil]. In: Hobbes, T. *Sochineniya v 2 tt.* [Works in 2 vols]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
9. Hobbes, T. (1988) *O grazhdanine* [On the Citizen]. In: Hobbes, T. *Sochineniya v 2 tt.* [Works in 2 vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
10. Donnelly, J. (2000) *Realism and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. James, S. (1997) *Passion and Action: the Emotions in Seventeenth-century Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
12. Schmitt, K. (2006) *Leviathan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbssa* [Leviathan in the teaching of the state of Thomas Hobbes]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
13. Waltz, K. (1959) *Man, the State and War: A Theoretical Analysis*. New York: Columbia University Press.
14. Vinsent, J. (1981) The Hobbesian Tradition in the Twentieth Century International Thought. *Millennium*, 10(2). pp. 91–101.
15. Kant, I. (1966) *Ideya vseobshchey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane* [Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Intent]. In: Kant, I. *Sochineniya v 6 tt.* [Works in 6 vols]. Translated from German. Vol. 6. Moscow: Mysl'.
16. Kant, I. (1966) *K vechnomu miru* [Toward perpetual Peace]. In: Kant, I. *Sochineniya v 6 tt.* [Works in 6 vols]. Translated from German. Vol. 6. Moscow: Mysl'.
17. Kant, I. (1965) *Metafizika нравов v dvuh chastyakh* [Metaphysics of morals]. In: Kant, I. *Sochineniya v 6 tt.* [Works in 6 vols]. Translated from German. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
18. Gaizman, G. (2003) *Svoboda i pravo. Politicheskaya filosofiya Kanta i sovremennost'* [Freedom and law. The political philosophy of Kant and modernity]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State Pedagogical University.
19. Alvarez, J.E. (2001). Do Liberal States Behave Better? *EJIL (European Journal of International Law)*. 12:2. pp. 183–246.
20. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Translated from English. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
21. Linklater, A. (1990) *Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations*. London: Palgrave Macmillan.
22. Doyle, M.W. (1993) Liberalism and World Politics Revisited. In: Kegley, Ch.W. (ed.) *Controversies in International Relations Theory*. New York: St. Martins Press.
23. Slaughter, A.M. (1995) International Law in a World of Liberal States. *EJIL (European Journal of International Law)*. 6. pp. 503–538.

Received: 13 April 2016